

ВОТ КЭН АЙ ДУ-У-У?

★ Я БОЮСЬ ПОТЕРЯТЬ ЭТО СВЕТАЛО ЧУДО ★

Я БОЮСЬ ПОТЕРЯТЬ ЭТО СВЕТОЕ ЧУДО...

Просунув голову в дырку, я легко просочился через отверстие в заборе, миновав заросли за бассейном и, наконец, почувствовав себя на родной территории – в пионерском лагере. Дома!

Именно дома! Ведь, что и говорить, а именно этому кусочку леса в недалеком Подмоскowie я обязан тем, что здесь прошло мое детство, отрочество, и вот теперь, полыхая фейерверками всех цветов, пенится и кружится в радостном вихре моя юность!

Как и многие мои приятели, мы появились здесь давно – кто с первого класса школы, как я, а кто и с детского сада, как Сережка Панченко.

Что говорить, чего с нами только не было! Мы прошли все ступени пионерского возмужания, и вот теперь приехали в лагерь уже вожатыми и кружководами.

Чего там скромничать, в лагере мы всегда были не из последних! Что там дискотеку сварганить, в спектакле сыграть, в волейбол сразиться или завалиться дня на четыре в поход! А мы все умели в той жизни. Нас всему научили! Спасибо вожатым, кружководам, работникам хоздвора!

Говоря на чистоту, лично я считал себя супер – звездой лагерного масштаба, с которого многое спрашивалось, но который и претендовал на многое.

Любовь пионеров, уважение работников хоздвора, свойские отношения с вожатыми. Да что там «свойские»! Новенькие вожатые в моих глазах были совсем

никчемными, и с ними еще предстояло разбираться! И только «старики», через чьи руки мы прошли в качестве пионеров, получали все наше искреннее уважение и любовь.

В общем, мой юношеский максимализм был максимально высоким. Не таким, конечно, как громоотвод на футбольном поле, но весьма к тому близко.

И чего только в моей взбалмошной жизни не было! А не было любви. То есть, было лет в четырнадцать непонятое мною чувство к девочке с большими мокрыми глазами, невнятными словами, и еще чем-то, что путало мысли, толкало под дождь и на кулаки ребят чужого района, но все это прошло, зацепив скользячкой, и оставив в памяти стойкое убеждение, что все это мучающая трата времени и сил.

Перед Дворцом Технического Творчества на столе стоял баян и два кружководы и оживленно трепались о чем-то своем.

- Здорово, мужики! – бодро приветствовал я лагерьный народ, поправляя желтую сумку на ремне, болтающуюся за спиной, - Чего новенького в родимых пенатах?

- Ха, здорово, студент! – откликнулся тот, что был в желтых шортах, - Прибыл? Сколько «хвостов» приволокло?

- Да я, как ящерка – хвосты обрубая! – нашелся я и подошел ближе.

Поздоровавшись, я присоединился к разговору, который нечаянно нарушил.

- Вот я и говорю – может вторым вожатым к ней в отряд попроситься? Как думаешь, Типа согласится? – в задумчивости рассуждал баянист, почесывая плечо, укушенное комаром.

- Не, Мартын, не согласится! – сказал, как отрезал кружковод в шортах, - Серега из зооуголка уже просил-

ся – получил полный отлуп! Типа, только глазами зыркает, да гривой трясет. Даже не пробуй!

- Вот я и думаю, - продолжал баянист, - Ну, отрядную песню с ее детишками мы уже разучили. Она меня позвала пару песенок для концерта ее девчонкам подыграть. Это я тоже использую... - и он опять почесал плечо, но уже в другом месте.

- Ляля, - влез я невпопад как медведь в гончарный ряд, - А о чем, собственно, речь? Что за план «Барбаросса», что за блицкриг? Кого это Валерка так тщательно разрабатывает? В лагере дефицит женского пола или у нас в гостях Клаудиа Кардинале вместе с Мэрилин Монро? Что за кипиш на ровном месте?

Переглянувшись, друзья загадочно хмыкнули, и начали рассказывать.

- Да приехала тут одна вожатая, новенькая. С Мамонтом на стенде работает. Так тут все - и вожатые, и кружководы, вокруг нее кругами ходят! Настоящая гонка развернулась! Лучшие ловеласы лагеря, можно сказать, включились! Сексуальный азарт, понимаешь! – начал Ляля, отряхивая свои желтые шорты от падающей с елки сухой хвои.

- Да, ладно трепать! Так, разминаемся перед летней оздоровительной компанией! Вешки ставим, колышки подбиваем! – хорохорясь поддержал Валерка.

- Ну, это по вашей части, господа Донжуаны! А я пошел по отрядам пройдуся! Валер, можно сумку у тебя бросить? – спросил я, и, запрыгнув на крыльцо, бросил сумку в открытую дверь фото-кружка.

Вожатый шестого отряда Геннадий как всегда плотно работал с личным составом. В центре веранды был поставлен стул, на котором торжественно восседал с осанкой падишаха вожатый, а по кругу, передвигая ножками – веточками, испачканными

сосновой смолой и зеленкой, мерно двигались дети, уткнув носы в листочки, и бубнили текст отрядной песни.

- Ого, Жека! Здорово! – выдохнул он, поднимаясь с постамента, - Ну, теперь, надеюсь, приехал, до конца лета? – и, уже обращаясь к детям, бросил – Всем амнистия до ужина! Кто не будет знать слова песни, будет заниматься строевой подготовкой!

Вожатый встал и величественно покинул веранду. Замершие в почтительном страхе дети дождались, когда взрослые вышли на улицу, и с криками и визгом рассыпались в разные стороны, будто и не было этого нудного разучивания этой непонятной строевой песни.

Вон, вчера один «чебурашка» напел известную детскую песню про день рождения на другие слова, так весь отряд выучил ее за пять минут. Уже сегодня топая на завтрак отряд горланил:

«Медленно ракеты улетают вдаль.
Встречи с ними ты уже не жди!
И хотя Америку немного жаль,
Лучшее, конечно, впереди!
По полю, по полю хлорциан стелется,
И забирается под противогаз.
Каждому, каждому жить еще хочется...
Кувыркаясь падает ядерный фугас!»

А в другом отряде тоже песню разучили на музыку из фильма «Джентельмены удачи». У них тоже отряд ее выучил и распевал, проходя по аллее: «Один московский кент по прозвищу «Доцент» узнал об исторической находке...». Но как-то получилось не так задиристо, как-то по-жиже, хотя упоминание верблюда «чебурашек» заметно бодрило. Вот это действительно были

отрядные песни! А тут: «Встань пораньше...» - кому же хочется в лагере встать пораньше?

- А что, Геня, как обстановка в лагере с личным составом? Новеньких много? – спросил я, выходя из корпуса.

- Да у меня 80% прошлогоднего состава! Все те же – орелики! – поправляя очки гордо констатировал Геннадий, - братья Нодельман, Антипчик... Ну, ты знаешь, вся лихачевская банда – малолетние бандиты неполных девяти лет!

- А как с вожатским составом? Есть толковые или так – «мягкие игрушки»? – поинтересовался я в свою очередь.

- Тут надо разбираться персонально. Так, вроде ничего, залетных нет – все из НИИТП, а там - время покажет, что они из себя представляют! – и он снова выразительно поправил сползавшие набок очки.

- Ты еще скажи, что и девчонки хорошенькие приехали! – хохотнул я, хлопнув товарища по спине.

- Да чего тут рассказывать? Топливо привез? Возьмем антабус, гитарку и двинем после отбоя по корпусам с инспекцией! Заодно и познакомимся! – как всегда нашел гениальное решение Геня, соображалка у которого всегда работала неплохо. Мы обнялись, и разбежались каждый по своим делам.

- А где народ? – вваливаясь в фото-кружок поинтересовался Геня, - Валерий Петрович сегодня на выезде?

Деловито сдвинув барахло на монументальном письменном столе, на котором не только накатывали фотографии на плексиглас для просушки, но и устраивали ложе на ночлег, вожатый выложил пачку печенья и несколько конфет.

- Доставай, не тяни! – завершил он фразу, петляя взглядом по стенам в поисках стаканов. Сопя в рыжие усы, он открыл дверку фотолаборатории и нашел два стакана, стоявшие на полке.

У меня за спиной послышалось журчанье воды и грохот металлической раковины, в которую она стекала.

Бутылка «Ркацители» из моей желтой сумки быстро дополнила натюрморт на столе.

С неторопливой неизбежностью Геня откупорил склянку и разлил соломенную жидкость по стаканам.

- Давай, студент, выпьем, что б ты по быстрее перешел на крепкие напитки, а то пьешь всякую гадость! Давай уже, заканчивай это свое пижонство – все равно перейдешь на водку! – и он, накрыв ладонью стакан, нижней его частью коснулся моего. В лагере это называлось «камушки», или негромкое, полуподпольное чоканье, чтоб не слышали пионеры.

- Не, я водку пить не буду! Винишко – это, пожалуйста! А водку, - не люблю я ее! – прокомментировал я его выступление.

- Ладно, ладно! Еще как будешь! Помажем, что еще в этом сезоне перейдешь? – начал заводить меня Геннадий.

- Помажем! Не начну! – также горячо возразил я. И мы поспорили на бутылку «Сибирской», которую нам предстояло распить при окончании летней оздоровительной кампании.

- Ладно, пора бы и прогуляться! – взглянув на часы заторопился мой товарищ, - Бутылку мы допили – эффект нулевой! Кончай уже свой компот из Москвы таскать! Приличному мужчине это только на затравку! – посетовал Геня, поднимаясь из-за стола.

- Для приличного мужчины я водки привез! – хохотнул я, доставая из своей сумки бутылку с винтовой крышкой и этикеткой, на которой непривычными латинскими буквами было выведено «Russian Stolichnaya Vodka».

- Ну, ты перец! Ну, проглота! Не мог сразу достать! – взвился буравчиком Геня, отчего его очки соскочили

на рыжие усы. Если б не проворные руки, натренированные на подобную эквилибристику, очки оказались бы на полу.

- Да я это тебе привез! Хочешь, с собой возьмем? Будет с чем по гостям прогуляться! – не скрываясь я ржал над своим приятелем.

- По гостям... Щаз! Эту я сам выпью. Это мой неприкосновенный запас. И не говори ни кому! – как-то мгновенно повеселев и одновременно став сосредоточенным, засовывая флакон в карман брюк, сказал Геннадий.

- Бери гитару и пойдем! Только сначала через мой корпус – надо НЗ спрятать! – и мы вышли из фото-кружка, навесив для проформы замок на старые крашенные петли.

Над футбольным полем ночь раскрыла свой черный зонтик, под который с разных сторон затекали огоньки мерцающих звезд, росчерки следов пролетающих самолетов, туман с бассейна «Бучилло» и монотонное «з-з-з-з» барражирующих в поисках добычи комаров. Резанув для быстроты продвижения путь, мы бодрым шагом миновали статую Однорукого и, прошелестев на бесшумных резиновых подошвах китайской спортивной обуви «Два мяча» по песку главной аллеи, свернули к синему корпусу. Лагерь потихоньку затихал. Лишь в корпусе первого отряда слышались редкие смешки из палаты девочек, да по веранде слонялась со шваброй в руках одинокая фигура пионера, привлеченного за какую-то провинность к водно-половым играм. Время от времени он гремел цинковым ведром, расплескивая воду грязной тряпкой, но и он через некоторое время затих, видимо закончив свой урок и вернувшись под одеяло в теплую кровать.

- В третий и четвертый корпус не пойдем – делать там нечего. Там все «старички» из золотого запаса. Мы,

Женьк, с тобой в пятый корпус пойдем, проведедем, что там за птицы перелетные! - выходя из своей вожатской пропыхтел Геня в рыжие усы, как всегда делово, не то констатируя, не то рассуждая.

Ха! Долго ли перескочить песочницу? И через пару минут мы уже толкались возле вожатской соседнего корпуса.

Дверь открыла девушка с растрепанными волосами, видимо приготавливающаяся ко сну.

- Мальчики, что-то случилось? – спросила она севшим до отметки ноль голосом.

Не надо быть Шерлоком Холмсом, что бы понять – человеческие возможности не безграничны. Вот и эта вожатая, выполняя свои обязанности, перестаралась и не рассчитала силы. Как итог – сорванный голос, воспаленное горло и жизненные силы, пульсирующие красной кнопкой «Перезагрузка».

- Мы на чай, Надюха, - безапелляционно заявил Геня, отодвигая вожатую с дороги и продавливая свое тело в комнату, - Тебе повезло, сегодня Женька приехал, сейчас концерт будет! Ты одна? Зови Наталью! – и он грузно рухнул на кровать, застланную верблюжьим покрывалом.

Девушка подобрала волосы, что-то просипела под нос и исчезла в коридоре, оставив нас наедине с расписанием дня, графиком дежурств, дневником вожатого, какими-то журналами и наваленным на всю эту макулатуру ворохом теннисных ракеток, спортивной формы и предметами женского туалета.

- Ну и кого мы тут будем развлекать? Ей же пальцы в розетку надо вставить, что бы хоть как-то зарядиться! Еще пару часов без сна и придется вызывать скорую! – сострил я, перебирая струны на гитаре.

Геня только монотонно сопел в усы и елозил на продавленной железной кровати с панцирной сеткой.

- Вот ты и будешь заряжать! Кто у нас бард и мене-стрель? Кто «Вечная музыка»? Вот и давай, неси доброе, вечное людям! Повышай градус заряда жизненных сил! – и он небрежно отбросил сползающий со стола «Журнал вожатого», который отлетев, раскрылся на странице с датой наступающего дня.

- А журналчик-то не заполнен! Типа завтра вставит за отсутствие варианта на дождливую погоду! – скользнув взглядом из-под очков, хмыкнул он.

В тесной темновато-хламоватой вожатской, где на деревянных стенах из бруса канцелярскими кнопками пришпилено полушерстяное одеяло вместо ковра, где панцирная кроватная сетка, прикрытая матрасом и покрывалом, доставала под нашими телами почти до пола, где под высоким трехметровым потолком на длинной трубе висел белый матовый шар, скудно делившийся спрятанным внутри светом, было холодно и неудобно.

Нет, не того ждала готовая разгуляться душа вырвавшегося из Москвы студента, отстрелявшего экзамены и откосившего от работы по обслуживанию иностранных туристов на Олимпиаде-80.

Ну, где Золушки? Где Афродиты и Венеры Милосские? В крайнем случае, Белоснежка какая-нибудь или спящая красавица? Ну, дайте же кого-нибудь поцеловать! Была осипшая царица-лягушка, да и та сбежала!

- Ладно, Геня! Первый блин комом! Давай-ка попоем, может чаем угостят! – подбирая гитару поближе к себе начал я, и прошелся по струнам.

Сонная гитара отозвалась чуть глухо, намекая, что добрые люди уже по кроватям сны смотрят. Но ее мнения в этом помещении ни кто спрашивал, напротив, стремясь разогнать наваливающийся на глаза сон, пальцы побежали по грифу, забивая гвоздики нот, звезд-

дочки трезвучий, растекаясь волнами аккордов. Другая рука то нервно щипала струны, то норовила выдернуть каждую в отдельности, рассыпая арпеджио, а то барабанила по ним с безумством летнего ливня, грохочущего по железной крыше!

Как ни как, а заявление было сделано – надо отрабатывать авансы!

И я погрузился в творческий транс, без которого невозможно донести до слушателей настроение, эмоции, энергию исполняемой песни.

Перерывы делать я не любил, поэтому играл неостанавливаясь, потеряв контроль над происходящим в комнате.

В комнату бесшумно вошла девушка с короткой стрижкой. В руках она несла электрический чайник, сахарницу из столовой с печеньем и конфетами и целлофановый пакет с апельсинами.

- Здравствуйте, мальчики! – небрежно бросила она, - Геночка, прими чайник, я приберу на столе.

Брови домиком, пухлые, чуть капризные губки, зубки ровненькие, осветленная короткая прическа... Ну и че? Та, с больным горлом вроде посимпатичней была. Кстати, она тоже появилась в комнате и принялась запихивать на платяной шкаф валявшиеся на столе шахматы, ракетки и еще бог весть что. При этом она суежилась, нервничала и как-то многословно комментировала происходящее остатками голоса.

- Нет, - подумал я, - Допою еще песен пять и к Мартыну в кружок на ночевку! Хватит впечатлений для первого дня.

Между тем горячий чаек пришелся кстати. Пальцы с удовольствием грелись о керамику белого бокала из столовки. Да и сухое печенье не помешало начинающему испытывать чувство голода желудку.

Допев обозначенные самому себе несколько песен,

мы с Геней поблагодарили девчонок за чай и расклялись.

Сойдя с крыльца и вздохнув в легкие хвойного настоя летней ночи, мы ощутили в полной мере, что силы заканчиваются и пора в люлю. Как ни странно, но послевкусие от первой встречи осталось хорошее, доброе.

- Ладно, Геня! Первый блин комом! Завтра пойдем другими тропами, - зевая во все горло и даже не стараясь прикрыть рот ладонью, резюмировал я, - Спокойной ночи!

- Давай до завтра... или уже до сегодня! – ответил тот, поправляя очки на рыхлом носу, и двинул в сторону своего корпуса.

Лагерная жизнь захватывает.словно ласточка из-под конька деревянного корпуса вылетели и исчезли в разливах летнего неба два дня. Что за это время случилось? А ничего! Просто вдохнул и выдохнул. И вот сегодня иду со старшими на встречу рассвета!

Господи, как это все прекрасно! Подъем ни свет, ни заря. По темному лагерю, да через дырку в заборе, да по досточке через речку Капаньку, да на опушку леса, где за полем над лесом за «Щербаками» начинают розоветь, словно перья фламинго, первые мазки рассвета, разбегаясь по темно-серому полотну утреннего неба. Вот то ли тучка набежала, грозя накликать ненужный дождь, то ли туман над извилистой речушкой. Но хулиган-ветерок прогнал непонятную облачность, клубя и закручивая в узоры, мешая серую краску с розовой. А вот откуда-то появились на подмалевке и голубые полосы. Издалека, словно из-за спины могучего леса они медленно, но неумолимо стали наполнять картину синевой, как бы готовя к главному моменту, когда первые яркие лучи проскользнут по диагонали через холст, давая желтому диску солнца

торжественно взойти во всем своем величии на центральное место в картине.

За спиной смолк треск ветвей и отчетливо раздался треск набирающего силу костра. Еще со вчерашнего вечера вожатый с мальчишками все заготовили и спрятали в кустах, и вот теперь не надо терять времени на рысканье по влажному от росы лесу, не надо путаться в паутине и царапать руки о сухие ветки могучих елок. Костер в лесу – он жизнь, тепло, романтика! Как хорошо он сочетается с пеньем песен, звоном гитарных струн. Да и постукивающий звук кнопочек на баяне, веселящий своим «французским розливом» не проснувшихся от утренней дремы пионеров, тоже гармоничен на подобного рода мероприятиях.

Однако, горланя у костра куртуазно-маньерические песни Булата Окуджавы, краем глаза отследил, что среди нахохлившейся толпы пионеров появилось знакомое лицо, но вот где я его видел, вспомнить не смог.

- Отшумели песни нашего полка!

Отзвенели звонкие копыта!

Пулею пробито днище котелка –

Маркитантка юная уби-и-и-та! – горланил я, разгоняя обрывки сна с ребячьих лиц. Кое-кто уже подтягивал слова, кто-то просто кивал головой, кто-то возился с ведром, пристраивая с краю костра в уголья неправильной формы картофелины.

- Уби-и-и-та! – даванул мне в ухо хриплый женский голос. Ба, да это же Надюха! Мы с Геней к ней в гости ходили! А то лицо, которое показалось знакомо – это вторая вожатая, которая чай заваривала! Все встало на свои места. Я сильнее приналег на струны, переходя на лирику.

А у костра становилось жарче. Народ окончательно проснулся, поставил котелок с чаем, появилась печеная

картошка с черным хлебом и солью. Начались игрища в салочки, догонялки, платочек и еще бог весть что, отчего народ разогрелся, рассупонился и перешел к активной фазе встречи рассвета.

Попрыгав в «слона» и покатавшись вдоволь на чужих спинах, я соскочил с «убитого» животного и подошел к старой знакомой.

- Доброе утро! Рад видеть вас на нашем утреннике! Каким ветром вас занесло? – разгоряченный, с потным обнаженным торсом, растрепанными курчавыми волосами, я купался в своей популярности, юности, востребованности. Справедливости ради надо сказать, что некая бравада, изрядно замешанная на хамстве, также присутствовала. Пытаясь вспомнить имя вожатой, я проявлял галантность, растягивая время.

- А я вожатой приехала в первый раз! Опыта нет ни какого. Да и встреча рассвета мне в диковинку – просто, не скрываясь, ответила она.

Над лесом весомо обозначился солнечный диск, объявляя всем, что новый день начался и, судя по всему, он будет насыщенным и жарким.

- А знаете... - я выдержал паузу, не зная как обратиться.

- Можно просто Наташа, – ответила она, придя мне на выручку.

- ...Наташа! Очень приятно! У нас есть традиция, что бы день задался у человека, впервые встретившего рассвет на поляне за лагерем, его надо поцеловать! – соврал я, не моргнув глазом, и чмокнул девушку в щеку.

Хлесткая пощечина перемешала на мгновение все в моей голове. Щека похолодела, зато уши запылали адовым огнем.

- Надя, я в лагерь, к отряду! – крикнула она, и развернувшись, добавила – Этого достаточно?

Через минуту две женские фигуры скрылись в кустарнике, двигаясь по тропинке к лагерю.

Такое со мной было впервые.

- Меня, старожилу, всеобщего любимца, вот так наотмашь? – в голове все плыло, мешалось.

Стекляшки падали, как в детской игрушке, но в калейдоскоп не складывались, а просто валялись у ног грудой битого стекла. Нестерпимо горели отмороженные еще в детстве здесь, в зимнем лагере, уши. Боли я не чувствовал, но мое самолюбие было готово взорваться. Хорошо, мы еще стояли в стороне от всех, вот был бы позор какой!

День начался, и надо было собираться в лагерь, что бы успеть к линейке и завтраку.

На футбольном поле нас встретил старший вожатый.

В привычной манере, широко шагая и размахивая руками, меняя, словно парусник под ветром галсы, он сверкал глазами и изрыгал из себя:

- Нет, я их спрашиваю – вы что на бассейне делаете до подъема? Кто остался на отряде? А они мне – а мы на встречу рассвета ходили! Ха! Хорошенькое дело? Жутчайший случай! Гнать из лагеря! Однозначно! – потряхивая черными патлами и стараясь прожечь взглядом каждого, кто осмелился бы противостоять его мнению, убеждал он всех одновременно, и, в первую очередь, себя.

На планерку собрались вожатые и, завидя старшего в таком возбужденном состоянии, не торопились приближаться, рассаживаясь на скамейках у футбольного поля спиной к говорящему.

- Так, коллеги! – начал он без предисловия, переходя сразу к сути, - Сегодня две вожатые без спросу бросили детей в корпусе и самовольно пошли в лес. Якобы на встречу рассвета к старшему отряду. Тем самым был

нарушен основной принцип – не оставлять детей без присмотра! Вы знаете, чем это чревато, и что за подобное нарушение ждет провинившегося. Я принял решение выгнать их из лагеря, сообщив на место работы о причине. Предупреждаю, что так же будет с каждым, кто приехал сюда отдыхать, а не выполнять свою работу вожатого! – на последнем слове из его рта, казалось, вырвался язык пламени, и запахло серой. Он перевел дух и пристально посмотрел на присутствующих. Вожатые отводили взгляды и молчали.

- А в чем они провинились-то? – спросила подошедшая новенькая вожатая, опоздавшая на планерку и теперь наверстывающая упущенное.

- Ты что не слышала? Порушены принципы работы вожатого в лагере! Приходить надо вовремя! – выдохнула с дымом и копотью голова старшего.

Вожатая не знала куда деться – то ли спрятаться под лавку, то ли закопаться в песок прыжковой ямы, то ли прыгнуть в колодец под резиновым ковриком на футбольном поле.

- Вопросы есть? Готовьте отряды к утренней зарядке! Свободны! – и он, развернувшись, пошел к клубу, где на ступеньках у ели сидел художник Федосини.

- Вот день и начался! «Чистый мед»! – сказал кто-то из вожатых, заворачивая в трубочку журнал вожатого и разворачиваясь к своему корпусу.

- С добрым утречком! Берегите зубы, уборище! – отозвался другой, вышагивая мимо громоотвода.

- Нет, Сердж, ты смотри каковы, а? На встречу рассвета им надо! – попыхивая неостывшими эмоциями, продолжил старшой, доставая сигаретку, - Нет, гнать их! Гнать, поганой метлой!

- Не кипи, Дэниса разбудишь! – умиротворенно ответил художник, - Слушай, Типа, а, может, ты круто забираешь? Девчонки в первый раз, законов еще

не знают, проявляют интерес к лагерной жизни! Не перегибаешь? – и он смачно затынулся, блуждая кайфующим взором по волнистой поверхности бассейна «Бучилло», по корабельным соснам за зеленым железным забором и пронзительной просини летнего неба.

Выдохнув через «песнярские» усы струйку дыма, завивающуюся в причудливое облачко, он вернулся в «трюм», где за фанерным шкафом мирно хрючил его малолетний сынишка.

После завтрака меня остановил Геня, дернув за рукав.

- Ты чего такой взвинченный? И уши горят! Девушки что ли оттащали в лесу? Пионерки у нас оторвы, палец в рот не клади! – и он хохотнул многозначительно, поправив сползшие набок очки.

- Да нет, полез к Наталье знакомиться, вот и схлопотал по физии! В первый раз в жизни! – словно пожаловался по-мальчишечьи я, потеряв пылающие до сих пор уши.

- Вот те раз! А что ты к ней-то, она ж только после развода? Да за ней тут корифеи амурского фронта подковы роют, только лопаты на солнце отсвечивают! – и Геня с удивлением посмотрел на меня, словно что-то переосмысливая и корректируя в своих настройках.

- Да ладно, не парься! Вон, Типа ее с Надюхой из лагеря выгоняет! – закончил он, поразив меня в очередной раз, - Больше она тебя не тронет! – и он хохотнул, довольный своей шуткой.

Оказывается, это за Натальей устроили гонки кобели-сладострасцы! Оказывается, это она развелась и приехала отходить в пионерский лагерь. Оказывается, это ее выгоняют на первой неделе работы! Куча битого стекла в моей голове продолжала расти, а калейдоскоп так и не складывался!

- Геня, но это же неправильно! Они ж даже не попробовали лагерной жизни – за что ж сразу выгонять? – вспылil я. Уши мои потухли, зато щеки зарумянились как пирожки в русской печи. Личная обида мгновенно ушла, вытесненная несправедливым, по моему мнению, решением начальства.

- Ага! Ты бы видел Типу – Змей Горыныч! Что ни речь, то дым да пламень! - и он передернул плечами, словно витязь перед пещерой нечестивого, - Хочешь заступиться за обиженных? Собери подписи у вожатых, мол, берем на поруки! На буксир, так сказать! Обязуемся научить, поддержать, наставить на путь истинный! Ладно, Плевако, я в отряд! Заходи, как сможешь! – потеряв интерес к беседе, закончил разговор вожатый и погнал свой отряд по центральной алее к оранжевому корпусу.

Наведиств еще пару-тройку вожатых, я воспринял дружескую подначку как руководство к действию, и в моей руке трепыхался листок, на котором беглым почерком на коленке было написано что-то типа:

- Мы, вожатые и педагогический персонал пионерского лагеря «Звездочка», осуждаем проступок наших товарищей, вожатых отрядов _____ - место было пропущено, поскольку я не знал ни имен, ни фамилий, ни отрядов девчонок, подвергнутых наказанию. Далее шло вольное изложение Гениного совета, звучащее как полный бред, но в конце было место для подписей, которых становилось все больше, по мере моего движения по лагерю.

Труднее всего пришлось со старой гвардией. Физрук Парамоня заикаясь гневно зыркнул на меня, как во времена, когда был моим вожатым и сказал:

- П-п-проступок серьезный! Н-н-наказание с-справедливое! Не буду подписывать!

- Ладно! – ответил я, - Тогда не подходи ко мне

со своими стихами, песнями – в концерт вожатых не включу! И вообще, забудь про меня!

Помариновав меня еще минут пятнадцать, он все же поставил подпись рядом с подписью Анны, которая проходила со шваброй и подписала, прокомментировав:

- Типа выгнал! Можно подумать он тут святой, свои грехи позабыл – за версту серой тянет!

После обеденной линейки, когда все отряды пошли в столовую, я тормознул у трибуны и взял старшего за руку.

- Вот, - сказал я, - Посмотри!

- Что это? – удивленно спросил тот, разворачивая мятый лист бумаги, исписанный неровным почерком и автографами в два ряда, - Петиция?

- Нет, поручительство! За девчонок! Их вечером пионеры пригласили, а они не в курсе были, что нельзя покидать корпус, - соврал я.

- Чушь! Исключено! Я уже начальника оповестил! Сейчас машина в Москву пойдет, они уже вещи пакуют! – освобождая руку из моей, сказал вожатый, направляясь к столовой.

- Типа! Ты же нас учишь справедливости! Вот два десятка твоих товарищей, которые не согласны с мерой, которую ты избрал. Будь объективным! К тому же и так вожатых не хватает, а тут будет просто провал! – я горячился, не отпуская его жилистую ладонь.

- Иди, обедай! И не лезь не в свое дело! – отрезал он. В воздухе снова запахло серой.

- А что, Джон, как ты Парамоню-то сумел уболтать? Он-то уж ни как не должен был подпись свою поставить! – выпуская из-под усов тонкой струйкой дым, спросил художник, сидя на ступеньках своего «трюма».

- Вон как Типа заерзал! Весь коллектив не одобрил его решение! Хорошо, что с начальником лагеря ин-

цидент утрясли. Самому и пришлось. Да, дела! Это ж придумать надо – подписи собирать! Ан, документ! – и он снова пыхнул фиолетовым дымом в прозрачный воздух елового леса, - Да пусть работают в лагере, на стенде в Москве еще набегаятся!

А вечером в клубе была дискотека. Вообще-то, танцуют дети, а вожатые чинно стоят в дверях и блюдут дисциплину и порядок. Мне, работающему «зажигалкой», меняющей две-три потные рубахи за вечер, приходилось крутиться в самом центре, провоцируя пионеров на активное отношение к общественно-полезному мероприятию, вытаскивая их из углов и закоулков на танцпол.

- Жень, потанцуй пожалуйста с моей дочкой,- обратилась ко мне наша сестра-хозяйка, держа за руку девочку-куколку в синеньком платице в рюшах, - Только она стесняется и ни когда не танцевала раньше с мальчиками.

- Ну, это мы сейчас исправим! – как полагается ведущему вечера ответствовал я, окинув малышку с головы до ног.

- Позвольте Вас пригласить, девушка! – обратился я к ней и, приобняв за талию, закружил в центр зала, - Вас как зовут?

- Аня Хохлова – ответила девчушка.

Большие глаза смотрели восторженно и настороженно, как смотрели на Папу Карло глаза деревянного Буратино. Движения девочки были скованы и напряжены.

- Кукла наследника Тутси! – пронеслось в голове, - Раз-два-три, раз – два – три...

Девчонка была маленькой и легонькой. Танцевать с ней как с девушкой было невозможно из-за маленького роста, можно было только экспериментировать.

Подняв ее на уровень груди, как в упражнении с

гирей, мы кружились несколько минут, после чего, я поставил ее хорошенькие ножки в туфельках на мои ступни, словно Заяц с Волком в мультике «Ну, Погоди!» и продемонстрировал примерно тот же самый танец.

- Получайте назад Вашу принцессу! – отпуская руку девочки, сказал я ее маме, - Будущая звезда танцпола! Ни единого движения, игра «замри» в действии! Абсолютное единство с партнером!

Улыбнувшись сестре-хозяйке и подмигнув девчушке, я поддался захватившему меня круговороту танца, унесшему вместе с «Коробейниками» куда-то в степь широкую, в рожь высокую.

Очнулся я только тогда, когда «пляски» закончились, народ стал расходиться, и в дверном проеме мелькнула знакомая фигура, удаляющаяся в сторону корпусов «чебурашек».

- Девушка, разрешите Вас проводить. А то здесь в районе центральной линейки дикие звери на хорошеньких вожатых бросаются, - не сумев остановиться после диких скачек, выдохнул я с энергией загнанного жеребца.

Красная рубашка с отливом была на мне совершенно мокрой, разве что пена не падала с губ.

- И что, Вы вот так бросите меня защищать в случае нападения? – спросила она, словно и не было утреннего инцидента.

- Так и брошусь! – все еще не остановившись, выпалил я.

Хмыкнув себе под нос, она поспешила по дорожке мимо линейки. С грацией гренадера, несущего штандарт за генералом, я последовал за ней. Как бы ни были коротки тропки и дорожки в лагере, плутать по ним можно очень долго, но не в этот раз. Наш путь с эскортом кончился, не успев начаться.

- Я пришла! – сказала она, поднимаясь на крыльцо своего корпуса, - Спокойной ночи!

- Спокойной ночи! – ответил я, и, не останавливаясь, чмокнул ее снова.

Ба-бац! Еще одна оплеуха по той же щеке! Снова разбитое стекло, падающее в моей голове. Снова горящие уши... Но нет, в этот раз горела щека! Все же какие-то изменения начали происходить!

- Красиво припечатала! – услышал я голос Геннадия за своей спиной, - Ты смотри, как удар поставлен! Я думал, у тебя голову снесет!

- Похоже, что сносит, Геня! – ответил я, потирая ушибленное место.

-Ну-ну, ты это, с катушек не съезжай! Наплюй и разотри! Мы с Мартыном тебе бабу найдем, хошь в «Дружбе», а хошь в «Щербаках»! Не сомневайся, первый сорт! Что силы-то зря тратить? – засуетился Геня, обнимая меня за плечи и спроваживая подальше от корпуса.

А во мне все бушевала кровь разгоряченного жеребца, да мокрая от пота красная рубашка липла к телу.

Жизнь в лагере не позволяет надолго отвлекаться – круглые сутки с детьми и вожатыми, круглые сутки что-то происходит, и ты должен быть если не на авансцене, то, как минимум, в массовке. Прошло еще несколько дней. Я ни разу ее не видел.

После очередного убойного дня часть хоздвора с начальником и несколько вожатых со старшим вожатым во главе пошли прогуляться после отбоя по дороге за бассейном. Пели песни, норовя перекричать эхо в лесу, рассказывали анекдоты и смешные истории, дуррачились и толкались. Мы с Геней как всегда работали «на передовой», раскачивая народ на забавы и игрища. Из лагеря подтягивались вожатые. Пришел и вожатый младших отрядов с моей знакомой, одетой в мешко-

ватую куртку. Вечер был на удивление теплым, небо звездным, а луна на растущей фазе, грозила своими острыми рогами, наступающему слева Млечному пути. Народ поснимал верхнюю одежду, и шел, распевая песни и вдыхая тягучий аромат корабельных сосен.

Кто-то выхватил из рук девчонок куртку, кто-то перекинул ее дальше. Одним словом, закрутилась чехарда, в которой даже начальник со старшим приняли участие, наплевав на регламент и служебное положение. А что, они тоже люди!

В общей суете я подкрался к девчонке и, подхватив ее через ноги, забросил себе на плечи. Еще мгновение, и я уже был на другой стороне обочины у кустов, за которыми спасительные сосны могли укрыть меня от погони и чужих глаз. Но, ох уж эти кусты!

Я рванул через них словно дикий вепрь, ломая и вырывая с корнем. Лишь месяц светил сверху, подсказывая путь к спасению. Сердце колотилось с частотой пулемета «Максим», ноги сами находили твердое место, от которого можно оттолкнуться, вены вздулись, и только храп дикого животного да треск поломанных кустов стояли в ушах.

Геня и еще кто-то из вожатых рванули мне вдогонку, да только быстро отстали, и теперь кричали с дороги, что бы мы возвращались.

Убедившись, что погони нет, я упал на колени на устланную мхом полянку под большим деревом. Сейчас даже и не скажу, то ли это был дуб, а может сосна. Моя добыча лежала рядом и дышала так же прерывисто, словно бежала рядом, а не лежала все время на моих плечах.

- Ну и что дальше? – спросила она, с прищуром глядя на меня.

Тени от веток и лунный свет размывали очертания, мешая уловить нюансы взгляда. Да они и не были важ-

ны. Сердце колотилось, стеклянные осколки в мозгах стали красные, но так и не сложились в картинку.

- А ничего! – резко ответил я, - Пойдем к дороге, а то заигрались!

Я встал и протянул руку.

- Боишься пощечины? – она посмотрела вызывающе.

- Если б боялся, второй раз не сунулся! Пойдем! – и, взяв ее за руку, резким рывком поднял с земли.

Боже, как долго мы возвращались те двести метров, что пробежали по ночному темному лесу. Я держал ее немного широкую ладошку, и в меня перетекло что-то, что называется химией, что не передать словами, для чего не существует определений, кроме одного.

На дороге было пусто. Не выпуская руки, я провел ее через кусты за бассейном, по доске через Капаньку, через дырку в заборе, мимо зооуголка, футбольного поля на уголок линейки.

- Прощай! – сказал я.

- До свидания! – ответила она.

А тонкий зарождающийся месяц над Дворцом Технического Творчества уже зацепил своим острым рогом кусочек Млечного Пути, того, что возник из пролившегося из груди Геры молока, когда она оттолкнула младенца Геракла.

- О, Женьк! Здорово! – приветствовал меня неунывающий кружковод Серега, он же «Ляля Черная», он же «Лёлёк», он же «долбанный ракетчик»!

- Здо-ро-во! – несколько растягивая слоги и смачно потягиваясь, ответил я, вывалясь из фото-кружка, где меня приютил кружковод Валера. Очередная ночная полемика на пионерскую тематику закончилась ближе к рассвету, так что на сон мне выпало час-три, не боль-

ше. Тем не менее, я был бодр и готов к новому дню как пионер.

- Ну что, пойдём умываться за клуб или свой умывальник включим, что б Валерия Петровича не беспокоить? – загадочно спросил он. Дело в том, что вода была только в фото-кружке, поэтому умываться и чистить зубы кружковод авиааракетного кружка бегал к товарищу. Когда же они были в ссоре или просто пережидали время после очередной шутки друг над другом, Серега пользовался пожарным краном, что торчал у красного пожарного щита с шанцевым инструментом в березках у кружка.

Смекнув в чем дело, я быстренько вернулся в фото-кружок и закинул свою сумку с вещами наверх, на фотолaborаторию – сарайчик внутри кружка, где проявляли пленку и печатали фотографии. Между потолком кружка и крышей сарайчика было место, куда забросили пару матрасов, постельное белье с подушкой, где спал я. Для абсолютного комфорта отдыхающих предусматривалась занавесочка, которую можно было растянуть на всю длину сарайчика и преспокойненько дрыхнуть, не мешая другим присутствующим в фото-кружке. Так частенько бывало, когда к Валерию Петровичу приходили гости, а я отсыпался после очередных двух-трех бессонных суток. Иногда меня просили поиграть на гитаре и попеть, при этом спускаться было необязательно. Для исполнения роли трехпрограммного радиоприемника этот закуточек тоже был очень кстати.

Когда я снова появился на крыльце, Серега уже разматывал бранспойт, подсоединенный к пожарному гидранту.

- Ну, давай! Помогай уже! – посетовал кружковод на мою нерадивость, - Беги кран открывать, но только по моей команде!

В два прыжка я был около крана.

Приоткрыв дверь, Ляля втащил бранспойт в фото-кружок ближе кровати, на которой спал Валерка, и, засунув его под одеяло, скомандовал:

- Давай на всю!

Два раза ему не пришлось повторять! Медленно чавкая по брезентовому рукаву, вода, разгоняясь, набирала силу, превращая тряпичный чехольчик в упругую конструкцию, и на выходе представляла собой маленькое цунами, подкинувшее сначала одеяло, а потом и самого Валерия Петровича. Побуцкав его в ледяной струе, словно енот-полоскун грязное белье в зоопарке, она приготовилась расправиться с внутренней обстановкой фото-кружка, залив упакованные рулоны с фото-бумагой, бутылки с неизвестными жидкостями, какие-то мешки с непонятными реактивами разных цветов. Но тут Серега, бросив короткое: «Туши!» - резко вытащил бранспойт на улицу, отбросив вместе с брезентовым рукавом, ставшим мягким и покладистым, в кусты у красного щита. Имущество было спасено.

Из дверей вышел Валерий Петрович. Синие сатиновые трусы, из которых торчали бледные ноги, голубенькая майка, помятое лицо и всклокоченные волосы – все было мокрым насквозь. Крупные капли воды на небритом лице собирались вместе и струйкой устремлялись по телу вниз, норовя оторваться от еще сонного тела.

- Серега, - спросил он задумчиво, - это что такое было?

Жизнь медленно возвращалась в разбитый холодной водой организм. Пальцы, привыкшие летать по баянному грифу, пиная перламутровые кнопочки с поразительной быстротой, начали приобретать утраченную подвижность. Вслед за ними начали свое движение на штатные позиции и мысли.

Не давая ему опомниться, Серега пошел в наступление.

- Валер, это ты чего, детство вспомнил или к урологу давно не показывался? Вот ты дел-то наделал! - подойдя ближе и заглядывая за дверь, тархтел он не переставая.

Валерий Петрович, перезагрузка у которого достигла своей финальной стадии, мягко подтолкнул товарища в кружок, и, схватив стоящий на столе графин с богатой железом артезианской водой, вылил содержимое ему за шиворот.

Словно ракета, сорвавшаяся со стапеля, Серега спиралью вывернулся из крепких рук фотографа, и, проскочив между дверным косяком и его бледными ногами, перепрыгнул через перила на землю, отбежав от кружка на безопасное расстояние.

- Я тебе покажу уролога! Ты у практолога сейчас будешь любимым пациентом! – уже грохотал на весь ДТТ Валерка, потрясая зажатым в руках граненым графином.

Убиравшие зооуголок и танцплощадку пионерки наблюдали, как развлекаются два взрослых человека. Отрабатывая обычную после завтрака уборку территории, они расценивали мокрые шалости как заурядное событие, с гордостью отмечая, что ночной визит в палату мальчишек с мазаньем зубной пастой, зашитыми и завязанными штанами, а также повешенный на круглом абажуре «труп» неизвестного пионера – это гораздо более высокий пилотаж, нежели игрушки с бранспойтом.

- Вот опять двадцать пять! Ляля, Мартын, да угомонитесь вы когда –нибудь? – посетовал приближающийся вожатый из четвертого корпуса Пачуня, - Хорош уже! Вы лучше силы на вечер поберегите!

- А мы круглосуточные специалисты! Нам все

равно – хоть день, хоть ночь! А что сегодня вечером, намечается знатный кипиш? – выходя из-за пожарного щита, отозвался Серега, - У Валерки баян всегда на ходу, а мне пару бомбочек слепить – полчаса работы! Правда, Валер?

Сменив белье, одев сухие тренировочные штаны и рубашку, Валерий Петрович вышел на крыльцо.

- Ты это, Вовк, расскажи, что будет вечером? Только толком, а то тут всякие извращенцы обязательно все перепутают! – и он сердито покосился на Лялю.

- А чего рассказывать? Типа на планерке оповестил, что сегодня день дружбы с «Дружбой». Вроде как договорились с их старшей вожатой, и на поляне перед их лагерем после отбоя собираемся на костер. Ну, их вожатые, наши вожатые... Короче, братание на русско-австрийском фронте! – крутя головой в разные стороны, отбрыкивался Пачуня, заодно контролируя уборку территории своих пионеров, - Ну, ладно! Подробности у Типы узнаете, а мне еще на хоздворе походные принадлежности получать! – и он быстро удалился через зеленые металлические ворота.

- Тоже мне, российско-американский Союз-Апполон! Чего мы в этой «Дружбе» не знаем? К кому в гости не ходили? – вслед уходящему вожатому бросил Валерий Петрович. Его досада на товарища улетучилась. Впереди маячила новая перспектива ночного приключения.

- Чего, Женьк, притих? – спросил Мартын – В «Дружбе» молодых вожатых полно – есть, где разгуляться! Готовь гитару, да постарайся до вечера голос не сорвать, а то ты целыми днями орешь как оглашенный и со старшими пионерами, и с чебурашками. Какой же организм такое выдержит?

- Во-во! Не фиг тут лирику распускать из-за оплехи. Мало что ли девок? Валерк, ты ему сегодня ночью

фото-кружок оставь в пользование – пусть парень оторвется! – вставил свое веское слово наставника Ляля.

- Да вы чего это меня тут подначиваете? Какие оплеухи? – вспыхнул я, негодуя на ставшие пунцовыми уши. У молодого жеребца снова вылезли уши жеребенка. Это было очевидно и не по-взрослому.

- Так! Заканчиваешь утренний моцион. Днем ведешь размеренный образ жизни, без беспорядочных связей с вожатыми и пионерками. А к вечеру, что б был готов как пионер! – поставил меня на место Ляля.

- И гитару настрой! – добавил Валерий Петрович, - А то баян с собой таскать что-то не хочется. Ключ от кружка возьмешь за плинтусом. Я заночую в гостях.

Легко шагается по ночной лесной тропинке. Нога в кедах продавливает жесткую траву или шуршит по осыпавшимся еловым иголкам, добавляя пружинистой поступи дополнительный драйв. Наша команда из трех человек выдвинулась раньше других – дрова собрать, костерок запалить, донести кое-какую снедь и «горючее», именуемое между своими «антабус» или «пионЭрская тЭматика». Основные силы должны подтянуться позднее, оставив на корпусе дежурного вожатого.

На опушке уже суетились вожатые из «Дружбы». Их лагерь был ближе, поэтому уже изрядное число молодых людей и девушек суетились у костра и раскинутого покрывала, на котором раскладывали вареную колбаску и колбасный сыр из магазина в Дорохово. Отдельно в коробке лежало печенье и конфеты.

- Наверно тоже со вчерашнего «Огонька» осталось! – сказал про себя вожатый, который шел вместе со мной и Лялей.

- Привет соседям! – хмыкнув носом, громко произнес Ляля, - Да вы тут уже и «поляну» накрыли! При-

мите и наш скромный вклад в международный проект Союз-Апполон! Женьк, давай рюкзаки!

Из одного пионерского рюкзака, полученного на складе физрука для проведения очередного похода, методично были извлечены огурчики с пионерского сада-огорода, помидорчики с глянцевыми боками и зелеными плодоножками, котлеты и хлеб с ужина. Другой рюкзак отчетливо звякнул, при опускании его на землю, не оставляя сомнений, что подготовка к мероприятию проведена с должной основательностью. И, главное, на покрывало были выложены стаканы из прозрачного пластика, только появившиеся в компании «Аэрофлот», и пластиковые тарелки. Окончательно добились всех пластиковые ножи, ложки и вилки, которых народ отродясь не видывал. Привычные алюминиевые приборы, завязанные в узел и с отогнутыми зубцами ни кого бы не смутили, а тут – «мэйд ин оттуда»!

Незаметно, неторопливо места у костра заполнялись вожатыми. Народ подходил с обеих сторон.

Наш старший вожатый вместе с их старшей вожатой подняли тост, и веселье началось. То есть началось мое время, время трехпрограммного громкоговорителя. Впрочем, это дело я любил и, самозабвенно молотя по струнам, развлекал публику песнями российской эстрады, смело тусуя «Песняров» с «Машиной времени» и Николая Сличенко с Владимиром Высоцким.

Прислонившись к березе, я играл практически без остановок, эдакое попури, и только Ляля, выпрыгнув из толпы танцующей публики, захватывал с покрывала что-нибудь повкуснее и, соорудив из этого гигантский бутерброд, пытался кормить меня в промежутках между куплетами, иногда вставляя свои импровизации, типа: «Ля-ля-ля и е-е-е-е!»

Наш вожатый Александр Федотов принес свою гордость – кассетный магнитофон «Электроника» с

модными танцевальными шлягерами, чем здорово меня выручил, поскольку от игры без перерыва мои черные и продавленные медными струнами пальцы уже несколько раз покрылись мозолями, которые были сорваны очередным музыкальным шедевром, а на месте розовой кожицы вырастал новый водяной волдырь.

Геня священнодействовал на разливе, а потом воспарил, протиснувшись в центр танцующих.

В душе моей было беспокойно. Вроде все вокруг друзья-товарищи. Вроде девчонок симпатичных полно. Но, словно рысак, бегущий по замкнутому кругу, я возвращался к не пройденным мною барьерам, напоминавшим о себе звонким шлепком пощечины и затаившейся внутри меня жгучей болью, оставшейся от женской ладошки.

Зазвучали «Смоки», та самая композиция, которую впоследствии перепели «Веселые ребята»: «Ни твоя, ни моя и ничья вина...»

И без того темное небо заволокли серые облака, и на поляну, словно продираясь сквозь мелкое сито, стала опускаться мокрая пыль, иногда срывающаяся на мелкий дождь, холодными капельками проникающий за воротник штормовки.

- Мальчики, а вы что не танцуете? – услышал я за спиной знакомый голос.

- Он танцует! – толкая меня в спину, поспешно отреагировал Ляля, - А я тут при гитаре! – добавил он, выдергивая у меня инструмент, - Вот кэн ай ду-у-у? – завопил он, дернув струны всей пятерней.

Взвизгнувшие струны слились в единый звук с голосом исполнителя, а я пошел танцевать по мокрому ковру лесной полянки, обнимая женщину, так смачно расписавшейся на моей физиономии целых два раза.

Дождь усиливался, и народ начал потихоньку рас-

ползаться в разные стороны. Мы стояли втроем, обнявшись одной штормовкой – она, я и гитара.

- Ну, ты уже отдай что-нибудь! – сказал подошедший Ляля, и, взяв у меня из рук гитару, растаял за деревьями.

До лагеря мы шли вместе, держась за руки, как пионеры на костре. Дождь не останавливался, но его словно не было. Мы шли и молчали.

- Ну, вот и пришли, - сказала она, взойдя на крыльцо, по цинку которого грохотали крупные капли, - А ты, куда такой мокрый!

- К Мартыну! Сегодня он на выезде, так что я хозяйничаю один! – ответил я, не зная как продлить минуты расставанья. Пауза затянулась непозволительно долго, и я сказал: «Спокойной ночи!»

- До свиданья! – она повернулась спиной и скрылась, миновав веранду в коридоре корпуса.

Дождь почти закончился. Пошарив за дверным плинтусом фото-кружка, где обычно оставляли ключ, и не обнаружив его, я постучал в дверь. Сонный кружковод уставился на меня, не понимая, что происходит.

- Валер, сегодня мой день! Мы ж договорились! А если бы я был с девушкой? – спросил я с укоризной, понимая, что лезть мне опять на антресоли за занавеску, где на матрацах лежат две подушки и одеяло, а под ними располагается вселенная неорганической химии, называемая фотолаборатория, подсвечиваемая красным фонарем и, согласно фэншую, оборудованная раковиной с проточной водой, уносящей весь негатив из помещения.

- Да ладно, Женьк! Сейчас, перекурим и спать пойдем... Или не пойдем? – и он вопросительно посмотрел на меня, - Это ни к тебе?

По футбольному полю шла та, с которой мы расстались несколько минут назад.

- Все, Валер, договор дороже денег! Выметайся быстрее! – внутри меня задрожала тонкая струна, резонируя где-то под коленкой, передавая вибрацию не только телу, но и голосу, который внезапно сел, словно сорванный на очередном концерте или пионерском костре.

- Куда ж я сейчас пойду, четыре утра? Ты уж меня не выгоняй! Я лучше на антресоли полезу. Я сплю глубоко – пушкой не разбудишь! Занавесочку задерну - и усну! – и он полез наверх, используя полки стоявшего при входе узкого шкафа как ступени лестницы.

- Давай быстрее! – поторапливал я.

- Лезу, милый, лезу! – эхом бравого солдата Швейка отзывался Мартын.

- И в полночь на край долины
увел я жену чужую,

а думал - она невинна... – читал в мои пионерские годы вожатый с патлатой шевелюрой и горящим взглядом, сидя после отбоя в палате мальчиков. Говорили мы про любовь или страсть? Да нет, просто он привил нам правило отделять пошлость от высокого.

Допустима ли страсть? Еще как допустима! Но она умирает сразу, как только цель достигнута. Сорвал цветок – и он засох.

А помните розовый куст в сказке про Кая и Герду? Он то засыхал, то расцветал новыми цветами в зависимости от отношений между ними, как барометр – солнечно или пасмурно.

Она стояла передо мной, а я сдерживал себя, что бы не броситься и не разорвать ее, отпустив свои чувства, свои мысли, свои действия, свою страсть на волю. Вместо этого, дрожа всем телом, я помогал ей раздеться,

словно готовил к купанию жену фараона или римского патриция.

- Я сонных грудей коснулся,
последний проулок минув,
и жарко они раскрылись

кистями ночных жасминов – нагнетая интригу,
звучал во мне голос вожатого из недалекого прошлого.
Помню, как мы слушали тогда не дыша эти строки великого Федерико Гарсиа Лорки, как сжимались кулаки и выступал пот.

- А бедра ее метались,
как пойманные форели,
то лунным холодом стыли,
то белым огнем горели.

Кто бы нам тогда, желторотым пятнадцатилетним недорослям мог рассказать про страсть, про любовь более правильно? Пионерская организация? Комсомол? Даже письмо Татьяны и Ленский с его страданиями оставались скучной кляксой обязательной программы по литературе.

А вот Федерико Гарсиа Лорка смог! И вожатый, который прочувствовал нас, пацанов, до последней нашей мыслишки, тоже смог.

Ну, были обжималки в подъездах. Были и более близкие отношения на чердаках, в гаражах, на последнем ряду в клубе во время фильма, еще черте где... Но это были отголоски пубертатного периода и дворового воспитания. Животные инстинкты и не более того.

И только высокая поэзия сначала хулиганского Есенина, которого мы просто воспринимали как нашего пацана с соседней улицы, а потом и великого испанца, смысла с засаленного и опошленного слова «любовь» всю грязь и мерзость сальных взглядов, вульгарных словечек, похабненьких мыслишек и желаний.

- И лучшей в мире дорогой
до первой утренней птицы
меня этой ночью мчала

атласная кобылица... – уже почти колоколами в голове гулко раздавались слова стихотворенья, впечатанные в мозг, словно косы прелестницы в песок, с того самого ночного чтения.

Есть домовый, есть вагонный, а у меня был чердачный! Краем глаза я видел, как под самым потолком отодвинулась занавеска и, подперев лицо кулаками, на нас взирает, слегка поскуливая или подвывая, фотограф, не читавший Лорку. Он был в другом измерении, в другом мире, ни чего не имевшим общего с нами.

- Тому, кто слывет мужчиной,
нескромничать не пристало,
и я повторять не стану
слова, что она шептала.

В песчинках и поцелуях
она ушла на рассвете.

Кинжалы трефовых лилий

вдогонку рубили ветер, – заканчивалось стихотворение, и я проводил ее из кружка до футбольного поля.

До подъема оставалось совсем недолго. Ветер колыхал верхушки деревьев над ДТТ, обещая ясный день. Солнце оставалось в дымке, но неутомимо наращивало своими лучами-сверлами количество отверстий, через которые в этот новый мир пробивался свет, разгоняя вчерашнюю облачность.

По центральной аллее к воротам удалялась фигура человека.

- Как на Геню похож! – подумал я, но тут же осекся – Геннадий рано не вставал!

Не буду отрицать, что с того дня жизнь моя изменилась. Мир разделился на «с ней» и «без нее». Но оба этих мира принесли неведомые ранее проблемы.

С Наташкой у нас была война. Мы нещадно осыпали друг друга пулями и снарядами днем и сдавались друг другу в плен под сладостные пытки и истязания ночью. Тропинка мимо центральной линейки от ее корпуса до первого отряда, где обитал я, стала привычным маршрутом, «тропой мира», по которой то я, то она шли мириться.

- Да брось ты это дело! Весь лагерь смеется! Вы же каждый день ругаетесь! – наставлял меня Геня.

- Джон, найди причину и поругайся напрочь! – наставлял художник.

- Евгений! Вы совсем забыли про волейбол! Не пора ли оставить Ваши изыскания и вернуться в коллектив? – вопрошал старший вожатый.

В первом отряде девчонки, многие из которых помнили меня еще пионером, перестали со мной кокетничать и тупо без вопросов выполняли мои команды, стараясь лишний раз не раздражать. Я не замечал этого товарищеского понимания и частенько срывался. Зато Наташку, обычно с удовольствием приглашаемую на отрядные мероприятия, такие как «Огонек», костер, звать перестали.

Новость о наших отношениях неожиданно быстро распространилась по лагерю. На меня стала по-другому смотреть взрослая часть населения - женщины с любопытством, а мужчины с явным сомнением – чего этого «желторотика» за полноценного мужика теперь считать что ли? Опять же нашим донжуанам я испортил всю игру в погоне за Наташкой. Была такая лакомая легкая добыча, а тут этот «пионЭр», под ногами мешается, он же укусить может!

В душевой кто-то уже мылся. Я разделся и бросил грязную спортивную форму после волейбола на лавочку, взял мыльные принадлежности – мочалку и мыло, - и направился под душ. Разгоряченное тело после горячей баталии на площадке чесалось от песка и пота и требовало немедленной экзекуции. Горячая вода кипятком обожгла мою спину, но тут же ласково растеклась по коже уже теплотой парного молока. В макушку барабанили струи, рассыпаясь рикошетом в разные стороны, а в облаке пара витала знакомая мелодия авторской песни. Мужской голос красиво пел:

- Спасибо, спасибо, тому, кто строил баню!

Кто печку топит в бане и греет воду в чане.

Еще тому спасибо, кто поддает нам жару!

Кто поддает нам жару и не жалеет пару!

- Ого, - подумал я, - это что ж за Орфей такой у нас появился, песни Суханова распевает?

Смыв мыло с головы, я подтянул неизвестному певцу, руладами выводившему припев очередной песни: «Диги-диги-дон-диги-дон!», да так увлекся, что остановился, когда понял, что все стихло. Только звук воды, да пара глаз, уставившаяся на меня из облака пара.

- Ты кто? – спросила пара глаз.

Я уже догадался, что это кто-то из новеньких вожатых, по первому разу приехавший в лагерь. А я-то, старенький, выросший здесь абориген, так что масть держать надо!

- Старожилы меня зовут «Вечная музыка», а вообще я вожатый Первого отряда. Так сказать с волейбольной площадки и на концерт! – продолжал я, намыливая мочалку, - Евгений меня зовут!

Глаза потихоньку подались вперед, проявив общий контур лица и высокого стройного тела.

- Ого, меня тоже зовут Евгений! Я на младших прио-

нерах! – выдохнул он и добавил, как бы оправдываясь, - Я просто люблю в душе петь, акустика хорошая! – и он вернулся в свою кабинку, продолжая разговор уже под душем.

- А ты на гитаре играешь? – спросил он меня, фыркая под душем, - А то я здесь не знаю почти ни кого. Может попробуем вместе сыграть?

Парень явно тяготился одиночеством. Похоже, отряд его не сильно занимал, но в целом он мне был симпатичен.

Закрыв воду и, охаживая махровым полотенцем тело, я вышел в раздевалку.

Евгений уже одевался, высушив длинные волосы и укладывая их на голове. Вообще, он был явный красавчик, любимец женщин, несколько жеманный, но, в общем-то, вполне компанейский.

Пока мы одевались, он успел рассказать мне, что на гитаре он играет хорошо, но его конек – это танцы, что он даже на открытии Олимпиады – 80 танцевал на стадионе в Лужниках!

- Тебе в какую сторону, - спросил Евгений, когда мы вышли на улицу, - Я к «чебурашкам» должен заглянуть!

- Годится, - отозвался я, и мы пошли вместе, болтая о музыке, гитаре и других интересных нам вещах.

Дойдя до знакомого нам обоим окна, мы остановились.

- Ну, ладно Жень, я пришел! Приятно было познакомиться! – сказал мой тезка, показывая всем своим видом, что это и есть конечная точка его пути, а мне пора удалиться, - Кстати, а ты где живешь? В третьем корпусе?

Мне надо было отвечать. Что отвечать? Как молодой человек я мог бы «слиться», соврать или просто уйти, но здесь жила моя женщина! Здесь стояла моя

кровать! Здесь ждали только меня! И как мужчина я должен был отвечать за свой дом, за свою любовь, за свою женщину!

- Нет, Евгений, я живу здесь, - и я показал глазами на окно.

- Что, в корпусе? – переспросил он.

- Прямо в той комнате, куда ты пришел! – ответил я.

По лицу моего нового знакомого пробежало сначала удивление, потом недоверие, а еще через мгновение не то гнев, не то отчаянье.

Я стоял перед ним, гораздо более младший по возрасту, наглый юнец, претендовавший на то, о чем и подумать – то не имел права по его соображению, с явным намерением защищать это всеми силами, зубами и когтями, даже ценой собственной крови.

Знаете, почему нельзя смотреть в глаза хищника? Почему даже в глаза собаки нельзя долго смотреть? Потому, что пристальный взгляд расценивается как вызов, как приглашение на битву, в которой предстоит определить, кто останется жить и уйдет с самкой, а кто должен умереть.

- Извини, - сказал Евгений, - Я зайду в другой раз.

- Да ничего, бывает! – ответил я, и вошел на веранду.

Такая ситуация произошла со мной, когда в лагерь приехал бывший муж Наташи. Я его знал, поскольку Стас приезжал в лагерь от профкома, провести сеанс одновременной игры в шахматы, посудить футбольный матч или сразиться в волейбол. Как человек в спортивном плане разносторонний, он был подтянут, быстр в движениях, со взглядом быстро оценивающим ситуацию.

Наш вожатый в эти приезды выводил нашу волейбольную команду на площадку, и начиналась игра двое против всех.

Чем закончится бой между парой старых опытных солдат и желторотыми рекрутами? Правильно, старики рекрутам навалают, будь их хоть шестеро, хоть больше!

Так и нам, вгоняли мяч за мячом, а мы стояли с опущенными руками, хлопали глазами и чуть не плакали от бессилия. Горечь поражения, тем более от явно сильного противника, практически сладка. Ты ни чего не теряешь, и даже выигрываешь в авторитете! Ну, как же, он сражался с самими профессионалами!

На веранде третьего корпуса, где стояли теннисные столы для пинг-понга, шло рубилово не на жизнь, а на смерть!

Шел чемпионат лагеря, и напряжение достигло своей наивысшей точки, когда пионеры уже не стеснялись ни в действиях, ни в выражениях. Шла парная игра и шарик летал с одной стороны стола на другую, не успевая свидетельствовать свое присутствие звонким цоканьем.

Я сидел среди зрителей, когда на веранде появился Стас. Он явно искал глазами кого-то. Добрые люди уже донесли до него последние новости из «Звездочки», дали комментарии. Сгорая от бешенства и любопытства, он из Москвы примчался в лагерь.

Не сомневаясь, что этот кто-то именно я, я подобрался, собравшись в кулак, и отслеживал каждое его движение.

В моей голове не было мыслей или рассуждений, что по формальным признакам брак расторгнут, что претензий у него к бывшей жене быть не может, что... Да, кто его знает, какие еще мысли могут придти в голову, когда сидишь в тепле, в мягком кресле, под шерстяным пледом и рассуждаешь о жизненных перипетиях.

Здесь было все иначе. Любовь ушла, завяли помидоры! Но все же! Он пришел посмотреть, кто осмелился занять его место, кто теперь с его женщиной.

Наверное, он почувствовал мой взгляд, поскольку глаза наши встретились и замерли на несколько секунд, стараясь пробуравить черноту зрачков и вытащить на поверхность слабости противника: трусость, никчемность, предательство, - то, что должно было доказать: «Этой женщиной могу владеть только я!»

Он вспомнил толстенького пионера с волейбольным мячом, скакавшего у сетки, но теперь пионер подрос и основательно окреп, а в глазах горели не отчаянье и беспомощность, а готовность биться и умереть.

Каждый из нас должен был ответить на этот вопрос: Готов ли ты умереть за эту женщину?

На лице Стаса отразились и насмешка – мол, что мне, с чиграшом что ли драться? И разочарование – не могла, что ли посолидней найти? И опасение – кто знает, что у этого, дурака влюбленного, в мозгах?

Проковыряв во мне дырку своим взглядом, он развернулся и ушел. Так закончился еще один поединок.

Мне казалось, что этим все и кончится, однако, как показало время, это было только начало. Самые близкие и доверенные друзья оказались двуличными предателями, не только лукавившими передо мной, но и искавшими собственной корысти, отнюдь не одухотворяя себя стихами Лорки, а потакая плотским влечениям.

Но я увидел, как может любить женщина, сколько сил эта любовь может дать мужчине, и понял, что только светлые чувства способны совершать чудеса.

Наш роман с Наташей продлился три года и закончился, уткнувшись в стену жизненных перипетий. Мы прожили разные жизни.

Но даже через почти четыре десятка лет мы сохранили, то светлое чувство, которое родилось под звон панцирной сетки и стихи Федерико Гарсия Лорки.

- Я боюсь потерять это светлое чудо,
что в глазах твоих влажных застыло в молчанье,
я боюсь этой ночи, в которой не буду
прикасаться лицом к твоей розе дыхания.